

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЈЕР

Книги
Карен Томпсон Уокер

Век чудес

Спящие

Карен Томпсон
Уокер

СПЯЩИЕ

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
У 62

Karen Thompson Walker
THE DREAMERS
Copyright © 2019 by Karen Thompson Walker
All rights reserved

Перевод с английского Анны Петрушиной

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-16125-2

© А. А. Петрушина, перевод, 2020
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

*Моим дочерям Хейзел и Пенелопе,
которые родились в процессе работы над книгой
и присутствуют на каждой странице*

Слепцу в ту ночь приснилось, что он ослеп.

Жозе Сарамаго. Слепота

На первых порах грешат на воздух.

Старая песня — ядовитые выбросы в атмосферу, распыляемые ветром. В ночь, когда все началось, город накрыла странная мгла — то ли туман, то ли дым, как скажут потом, однако пожара поблизости не было. Кто-то пеняет на засуху, из-за которой пыль стоит столбом и медленно умирает озеро.

Загадочный недуг косит людей без лишнего шума: появляется сонливость, глаза слипаются. А многие жертвы мирно уснули в собственных постелях.

Однако есть и те, кто считает внезапную напасть не новой, ее аналоги успели отметиться в истории. В древних манускриптах встречаются разрозненные, разделенные десятилетиями упоминания о таинственном продолжительном сне.

В 1935 году на юго-западе Америки, славящемся пыльными бурями, двое ребятишек уснули в летнем домике и проспали без малого девять дней. Схожая беда постигла мексиканскую деревню — местные окрестили ее *El Niente*, Ничто.

А три тысячи лет назад греческий поэт описал серию странных смертей в прибрежном поселке: люди умерли, словно объятые сном, или, как гласит другой перевод, «утонули в грезах».

КАРЕН ТОМПСОН УОКЕР

На сей раз все начинается в колледже.

Начинается со студентки, заторопившейся домой в разгар веселья. Она жалуется друзьям на плохое самочувствие, на жар, как при гриппе, — и необычайную, нечеловеческую усталость.

Позже Мэй, ее соседка по комнате, вспомнит, как проснулась от скрежета ключа в замке. Вспомнит скрип пружин во мраке, когда студентка — Кара — заберется на верхнюю койку. Кара похожа на пьяную — слишком долго добирается до кровати, однако в комнате темно, а девочки, как обычно, не разговаривают.

Наутро Мэй видит, что Кара спит прямо в одежде. Узкие каблуки сапог торчат из-под одеяла. Впрочем, зрелище не новое. Мэй тихонечко одевается, стараясь не разбудить соседку, и выскальзывает за дверь. Она исчезает практически бесшумно — особенность «серых мышек».

Все происходит в городке Санта-Лора, штат Калифорния, спустя шесть недель после зачисления Мэй на первый курс.

Целый день Мэй не заглядывает в комнату — так спокойнее. Ей до сих пор не по себе от того, как быстро сдружились сокурницы, оставив ее за бортом.

По вечерам Кара с другими соседками по этажу часами торчат в ванной — завернувшись в полотенца, они оккупируют раковины и подолгу накладывают макияж. Сидя за столом в комнате напротив, Мэй отчетливо слышит их смех, голоса, заглушающие шум феннов.

— Завоевать дружбу непросто, — наставляет по телефону мама. — На это могут уйти годы.

Однако мама знает далеко не все. Не знает она про парней, нагрянувших к Мэй в первую неделю учебы.

Парни жалуются на вонь в коридоре, которая якобы ведет к ней в комнату.

— Как будто на этаже кто-то сдох, — говорят они, вваливаясь без разрешения в тесную комнатушку. Незваные гости одеты в шорты и сланцы, бейсболки низко надвинуты на лоб.

Ребята с энтузиазмом обнюхивают стол Мэй и тут же зажимают носы.

— Это здесь! Воняет отсюда. — Они тычут в нижний ящик стола. — Признавайся, кто у тебя там?

В ящике лежит вяленая треска, присланная мамой вместе с тремя плитками шоколада и двумя брусочками лавандового мыла.

— Это рыба по фирменному маминому рецепту, — объясняет Мэй. Рецепт трески — это то небольшое, что мама унаследовала от своей матери, бабушки Мэй, единственной из всей семьи, родившейся в Китае, а не в Сан-Диего.

Мэй знает, что парни считают ее тихоней и постоянно провоцируют на разговор. Обычно она за словом в карман не лезет, но сегодня язык, как по волшебству, прилипает к нёбу.

— Господи! — восклицает Том. Он самый высокий из компании, играет в баскетбол за школьную команду. На лице у парня повязана красная бандана, как у добровольцев в госпитале времен Гражданской войны. — Ну и гадость!

Всякий раз, вспоминая тот случай и алую бандану, Мэй становится пунцовой от стыда.

В конечном итоге она выбрасывает треску в мусоропровод, расположенный в дальнем конце кори-

СПЯЩИЕ

дора. Пластиковый контейнер с шумом катится по жестяной трубе на десять этажей вниз, парни стоят рядом и контролируют процесс.

— Не ожидала от них, — признается потом Кара, из чего Мэй делает вывод, что именно соседка разболтала ребятам про запах, а ей почему-то не сказала.

Вот почему Мэй старается проводить как можно больше времени в университетском кафе. В тот памятный октябрьский день она сидит за столиком до упора, ждет, пока этаж опустеет, стихнет шум фенов, остынут утюжки для волос, а сокурсницы погружаются в мудреные ритуалы студенческих клубов. Если повезет, парни благополучно отправятся ужинать.

Однако вечером, когда Мэй поднимается на этаж, ее встречает записка. Алой пастой на дверной планшете выведено: «Куда пропала? Мы сваливаем». Послание, без сомнений, предназначено Каре.

Мэй отпирает дверь и видит, что соседка по-прежнему спит, свернувшись клубочком под одеялом. С верхней койки свисают ноги в черных сапогах.

— Кара? — тихонько окликает Мэй. Снаружи день клонится к закату. Безоблачное небо окрасилось розовым. Мэй щелкает выключателем. — Кара?

Но Кара не просыпается. Не помогают ни отчаянные просьбы соседки, ни старания врачей. Через помятое платье докторам удастся прощупать пульс, — по крайней мере, девушка дышит.

Кара не просыпается от воплей подруг, когда ее обмякшее тело кладут на носилки: голова болтается, рот приоткрыт, пряди каштановых волос закрывают лицо.

Не просыпается она ни от стрекота сверчков в соснах, ни от вечерней прохлады, охлаждающей кожу.

Мэй босиком стоит на тротуаре и смотрит, как медики ставят носилки в ярко освещенное нутро «скорой» — ставят, как ей представляется, слегка небрежно. Так и хочется крикнуть: «Аккуратнее!» Но вот двери «скорой» захлопываются, и Мэй остается одна.

Потом медики скажут, что Кару не разбудил ни вой сирены, ни отблески мигалки. Не разбудили кочки на изрытой ямами дороге, ведущей в госпиталь Святой Марии, где пациентку перепоручают дежурным докторам. Те пробуют разные средства, но тоже не в силах нарушить странное забытье.

Девушка крепко спит, пока на других этажах женщины благополучно разрешаются от бремени. Спит, пока рождаются дети. Спит, когда в дальней палате умирает старик — умирает вполне ожидаемо, в окружении семьи и священника.

Она не просыпается ни на рассвете, ни на закате.

Однако в первые несколько часов врачи не находят никаких отклонений. Обычная девушка спит самым обычным сном.

После все будут недоумевать, почему приборы не отреагировали на ухудшение состояния. Известно одно: за долгие часы пребывания в госпитале слабое дыхание Кары делается все слабее.

И никто не объяснит, почему мониторы не зафиксировали последние удары ее сердца.

Девочки постоянно плачут и всю ночь не смыкают глаз. В спортивных костюмах и тапочках, они сидят на жестком ковре в чьей-то комнате, держатся за руки, пьют чай. Если бы мы спохватились раньше, причитают они. Если бы прислушались к жалобам Кары! На уме у всех только одно: мы должны были догадаться. Должны были что-то предпринять. Возможно, тогда Кару удалось бы спасти.

Парни притихли и с удвоенной силой налегают на дешевое пиво, купленное по поддельным удостоверениям. На первых порах они прячут руки в карманы и сторонятся сокурсниц, словно ощущая в их непринужденной солидарности и переплетенных пальцах всю историю женских страданий, все искусство скорби, отточенное многими поколениями.

Девочкам претит наряжаться. Претит краситься. Они не моют голову, не бреют ноги, забытые линзы плавают в растворе. Вместо линз надеваются очки. Парни с удивлением выясняют, что очки носят больше половины сокурсниц.

Бедная ее мама, повторяют девочки, прижимая колени к груди, точно горе сделало их еще моложе. Они представляют собственных матерей. Представляют, как раздается звонок на их собственных кухнях в других штатах: Аризоне, Небраске, Иллинойсе. «В голове не укладывается, — перешептываются девочки. — Просто не укладывается в голове!»

Похороны состоятся в Канзасе. Слишком далеко, не наездишься.

— Надо как-то поддержать ее родителей, — предлагает одна из девочек. Родители приедут завтра забрать вещи Кары. — Давайте купим цветы.

Остальные с готовностью соглашаются. Все испытывают острое желание проявить благородство. Появляется запал. Вот она, жизнь, самая суть, без прикрас, разобранный по косточкам.

Девочки останавливают выбор на двух десятках белых лилий. К букету каждая добавит карточку с соболезнованиями.

Больше ничего толкового на ум не приходит, однако тяга к действию не ослабевает.

Всех вдруг охватывает новый порыв великодушия. Какими мелкими, пустыми кажутся теперь прежние заботы. Ссоры забыты, обиды прощены, две подружки мирятся по телефону с бывшими парнями — своей школьной любовью, которую, как они до сегодняшнего дня думали, уже переросли.

Но даже на этом девочки не успокаиваются. Им хочется сделать еще что-нибудь полезное.

Когда в коридоре появляется Мэй — руки сложены на груди, голова опущена, черные волосы заплетены в косу, — однокурсницы впервые замечают ее по-настоящему. Она не должна корить себя, соглашаются все. Никто не помнит, как зовут эту китаянку или японку, делившую комнату с Карой. Она никак не могла знать, что Кара нуждается в помощи.

— Надо сказать, что ее вины тут нет, — шепчет кто-то из девчонок. — Пусть не терзается.

Однако никто не трогается с места.

— Она вообще говорит по-английски? — спрашивает одна.

СПЯЩИЕ

— Конечно. Она вроде местная, — отвечает другая.

Из соседней комнаты доносится аромат попкорна, разогретого в микроволновке. Занятия решено пропустить.

Днем приносят корзину с лилиями — она куда меньше, чем рассчитывали девочки. Напрасно они надеялись выразить цветами то сокровенное, для чего не смогли подобрать слов.

У родителей Кары бледные и осунувшиеся лица. На матери серый свитер, внешне она копия Кары, разнится лишь кожа. Отец — бородатый, во фланелевой рубашке. Наверное, лет тридцать назад он ничем не отличался от здешних парней — сунув руки в карманы, точно так же топтался бы на пороге, не догадываясь о том, что ждет впереди.

Родители медленно собирают вещи. При виде осиротевших супругов девочки робеют и прячутся по комнатам из страха ляпнуть какую-нибудь глупость. Гробовую тишину на этаже нарушает лишь треск отрываемой клейкой ленты, звяканье пустых вешалок и тихий шелест платьев, укладываемых в коробки.

Наблюдая издалека за скорбной четой, девочки скоропалительно принимают возрастные признаки — глубокие морщины на лбу у отца, темные круги под глазами у матери — за проявление горя. Возможно, девочки отчасти правы: лица родителей несут отпечаток прожитых лет, именно прожитые годы и привели их к трагической развязке.

Мать и отец Кары разговаривают хриплыми, надтреснутыми голосами — как больные. Внезапно у матери вырывается отчаянный возглас.

— Ричард, прекрати! — всхлипывает она. — Ты его порвешь!

Тогда Мэй вытягивает шею и смотрит на них, точно издали, хотя в некотором смысле так и есть.

Отец пытается свернуть в трубочку один из постеров Кары с черно-белым изображением Парижа. Постер пришпилен к стене кнопками и куплен — Мэй это точно знает — в университетском магазинчике в первую неделю учебы. Плакат примелькался настолько, что Мэй стала ассоциировать Кару с приятельницами с гламурными красавицами на фото: они весело смеются, стоя под проливным дождем на мостовой.

— Угомонись, — умоляет мать. — Пожалуйста. Отец беспрекословно затихает.

Мэй медлит в коридоре. Мама непременно посоветовала бы ей представиться. Однако ноги точно прирастают к полу при виде отца Кары. Невыносимо видеть, с какой тоской он смотрит в окно — отец Мэй смотрел бы точно так же, — как не знает, куда девать руки. Невыносимо видеть, как он теребит бороду, съезжившись в углу. Мэй скрывается в своей новой комнате, так и не заговорив с ними.

Калев единственный отваживается подойти к родителям Кары. Высокий, худощавый, с каштановыми волосами и веснушками, Калев изучает английскую филологию и чуточку серьезнее других ребят.

На глазах у девочек он обменивается рукопожатием с отцом Кары. Сунув бейсболку под мышку, беседует с матерью.

Девочки, все до единой, жаждут пригласить ему волосы, растрепавшиеся и взмокшие под бейсболкой. В ту секунду за отвагу, за умение справиться с ситуацией Калев становится объектом всеобщей любви и обожания.

СПЯЩИЕ

Вместе с отцом Кары Калед относит коробки к лифту. Человек несведущий подумает, что заботливый отец помогает сыну съехать из общежития.

Аманда — она живет через две двери от Кары и вслед за ней начинает ощущать симптомы. Головокружение, вялость, постепенное недомогание.

У ее соседки та же картина. Обе просыпаются бледные, их лихорадит, глаза покраснели.

— А если это заразно? — спрашивает Аманда из-под одеяла. — Вдруг мы заболеем, как Кара?

Остальные девочки успокаивают их с порога, но внутрь войти не решаются, боятся.

— Уверена, с вами все в порядке, — говорит одна, с трудом переводя дыхание. Поражает, с какой скоростью адреналин разливается по телу, как быстро начинают трястись руки. — Но на всякий случай вызовите доктора.

Вскоре весь этаж охватывает паника, тревожная новость передается из уст в уста: среди них двое заболевших. Никому и в голову не приходило, что недуг может оказаться заразным.

Совершаются необходимые звонки. Появляется комендант общежития. Подруг увозят в студенческий центр здравоохранения. Остальные тщетно пытаются отогнать мрачные мысли.

Время идет.

За окном меняются тени, но никому нет дела до погоды — до яркого солнца, безоблачного неба и медленно подступающей засухи.

На этаже воцаряется уныние, тоскливо всем, но одной студентке особенно. Дома и в церкви ее называют Ребекка, в колледже она попеременно Бекка, Бекс или просто Би.

Ребекка — миниатюрная шатенка в чужих джинсах — с недавнего времени слышит легкий звон в ушах. Однако старается не обращать на это внимания. В списке симптомов звон не значится.

В ванной она снимает очки и плещет водой на лицо. Скорее всего, это пустяки. Просто перенервничала, переволновалась. Однако дурнота отчетливо нарастает.

Ребекка облакачивается на раковину — старую, в трещинах, пожелтевшую от времени. На фаянсе по-прежнему видны пятна с тех пор, как в первую неделю учебы Ребекка стояла, наклонив голову, пока одни девчонки красили ее в ультрамодный рыжий, а другие толпились рядом и советовали. Ей все было в новинку: и собственная популярность, и смех десяти подружек в крохотном помещении.

За шесть недель Ребекка лишь однажды наведальась в церковь — наведальась украдкой, заранее готовая соврать, если вдруг спросят. Впервые ей удалось так быстро завоевать симпатию, особенно у таких девчонок. Новые подружки смешали ей первый коктейль. Своей розовой помадой красили ее неопытные губы. Выщипывали ей брови своими пинцетами, а после научили самостоятельно придавать им форму. Они одалживали ей вещи, помогли выбрать правильный бюстгальтер, а она хохотала вместе со всеми, когда выяснилось, что у них одинаковый цикл.

Но сейчас Ребекке страшно. Недомогание окутывает ее, как туман. Она ждет, когда слабость отступит, но та не отступает. В голове зреет отчаянная мысль: а вдруг это наказание — наказание за поведение в последние несколько недель, за пропуски службы, за попойки и вранье родителям.

СПЯЩИЕ

Дверь за спиной со скрипом открывается, и в ванную входит соседка Кары, тихоня. Под мышкой у нее желтое полотенце, в руке розовое пластиковое ведро, в котором дребезжит бутылка шампуня. На тихоне майка и джинсы — она всегда одевается так в душевую, в отличие от сокурсниц, щеголяющих по коридору в полотенцах и халатах. Ребекку охватывает внезапный порыв великодушия.

— Эй! — окликает она.

Девочка не реагирует, и Ребекка узнает свою прежнюю привычку, когда ее саму не замечали в упор.

— Эй! — повторяет она. — Напомни, как тебя зовут?

На сей раз тихоня поднимает голову. А она ничего, симпатичная, черные глаза, хорошая кожа. Только зря все время заплетает косу, с распущенными ей лучше — так сказали бы новые подружки Ребекки. Да, ей бы распустить волосы, сделать челку — и лицо будет поинтереснее.

— Мэй, — отвечает девочка.

Она выбирает самую дальнюю кабинку, расплетает косу, но смоляные пряди не теряют формы и вьются по всей длине.

— Слушай, я давно хотела сказать, — начинает Ребекка и вдруг осознает, как эгоистично поступала в последнее время. Отец всегда говорил: людям надо помогать, а она не удосужилась протянуть бедняжке руку помощи. Как учил отец, если у тебя просят рубашку, непременно отдай еще и пальто. — Я хотела сказать, ты не виновата, — продолжает Ребекка.

Мэй настораживается:

— В чем?

— Ты никак не могла знать, что Каре пужна помощь.

Закусив губу, Мэй отворачивается, заходит в кабинку и исчезает из вида.

— Конечно, я не виновата, — отвечает она изнутри, ее голос эхом отражается от кафеля. Мэй подбирает слова осторожно, словно снимает хрусталь с верхней полки. — Мне не в чем себя упрекнуть.

— И я о том же, — подхватывает Ребекка, однако разговор не клеится. Она облажалась.

Мэй запирает дверцу. Клацает щеколда. Через щель Ребекка видит, как падают на плитку майка и джинсы, Мэй наклоняется поднять их, раздается скрежет кранов, дребезжат трубы, и напор воды обрушивается на кафель.

Ребекка лихорадочно думает, что бы еще приятного сказать.

Но зрение вдруг расплывается. Короткая вспышка — и взор затуманивается. В глазах появляется легкая рябь, как на воде. Девочку лихорадит. Но она решает молчать из страха, что магия произнесенных слов сделает подозрения явью.

Ребекка возвращается в комнату и ложится в кровать. Ей просто надо отдохнуть. Веки смежаются. Время — четыре пополудни. В голове всплывают строки из Библии: «...потому что не знаете ни дня, ни часа...»¹

Первая стадия сна самая скоротечная, наступает провал — стремительный, будто камешек, пущенный по воде. Так, в театре голова безвольно опускается на грудь. Вечером выпадает из рук книга. Ре-

¹ Мф. 25: 13. — *Здесь и далее примеч. перев.*

беска быстро минует первую фазу. Десять минут — и она увязает все сильнее, начинается заплыв на глубину. Внезапно накатывает сон: Ребекка в церкви с родителями. Крестят ребенка. Однако что-то не в порядке. Голос священника — он не совпадает с движением губ. Плеск льющейся на темечко младенца воды тоже отстает от картинке — как в паузе между молнией и громом. Ребекка единственная в церкви замечает несоответствия. Потом сон прерывается — звонким голосом из коридора. Ребекка открывает глаза. К разбудившему ее голосу присоединяются другие — слышится смех.

Ребекка выбирается в коридор и видит толпу сокурсников. В центре сборища — две большие подруги, они вернулись из лазарета, их хвосты задорно подпрыгивают, смеющиеся рты сияют белоснежной улыбкой. В руках у них два буррито и две колы.

— Мне так стыдно, навела панику, — сетует одна из подруг, не успевшая сменить спортивный костюм.

— У нас банальная простуда, — добавляет вторая.

— Слава богу! — восклицает Ребекка. Волна облегчения действует на нее исцеляюще. — Слава богу, с вами все хорошо. — Ей тоже становится лучше. Недомогание исчезает. Звон в ушах наконец прекращается.

Главное, они в порядке. «Слышали, слышали? С ними все в порядке», — наперебой галдят девочки в коридоре. Все в порядке. В порядке.

Настроение стремительно меняется. Страх лопается, как нарыв. На третью ночь парни и девушки набиваются в комнатку Аманды, чтобы выпить, лица собравшихся сияют от облегчения. Столы ло-

мятся от кофейного ликера «Калуа» и молока — для девочек, а также бесчисленных пакетов со льдом, пива, текилы и вина с персиковой отдушкой. Завывает блендер, звякают рюмки, музыка играет чуть громче положенного. Все разговоры о том, как почтить память Кары. Может, повесить именную табличку или посадить дерево. Да, дерево — отличная идея, а еще лучше клумба с ее любимыми цветами. Они пьют за их короткую дружбу, за славные шесть недель. Кара была такой милой, соглашаются студенты, наверное, самой милой из всех. Компания постепенно напивается, процесс неизбежный — слишком силен дух легкомыслия в комнате. Они молоды, здоровы и пережили страшное потрясение.

Ребекка сидит в уголке, свесив ноги с верхней койки, ей спокойно и море по колено. Каким-то чудом рядом оказывается Калев.

— Поганый день, — замечает он так тихо, что слышит только Ребекка.

Она кивает, ощущая теплоту его бедра, головой Калев почти упирается в потолок.

— Хуже некуда, — соглашается Ребекка. Сквозь пьяный угар она думает, что завтра снова попробует наладить отношения с соседкой Кары — как там ее зовут? Мэй? Следом накатывает раскаяние: никто не соизволил пригласить Мэй на вечеринку.

Внизу гудит блендер, дребезжит лед.

То и дело слышится: «На, попробуй», пластиковые стаканчики передаются по кругу, каждый делает глоток. К одной рюмке разом прикладываются по несколько человек.

Рано или поздно веселящиеся сегодня студенты-биологи узнают: отдельные паразиты способны

СПЯЩИЕ

управлять поведением посетителей в свою пользу. Происходит это следующим образом: несколько человек собираются в тесном помещении, несколько пар легких дышат одним воздухом, несколько ртов пьют из общего бокала — и так на протяжении многих часов.

Наконец вечеринка заканчивается. Заканчивается, как всегда, стуком в дверь и голосом дежурного. Дежурный на три года старше остальных и умеет не замечать спиртное.

— Ладно, ребята, на сегодня достаточно. Расходимся.

Студенты вываливаются в залитый флуоресцентным светом коридор и, покачиваясь, разбредаются по комнатам — кто по одному, кто по двое. Немного отстав от подруг, Ребекка в одиночестве идет к себе, как вдруг затылок обжигает чье-то дыхание.

— Пошли. — Кaleb берет ее за руку.

Так непривычно ощущать внезапное переплетение их пальцев, так непривычно вдыхать аромат его кожи, жевательной резинки и мыла, и так приятно чувствовать себя желанной.

— Здесь нам не помешают. — Кaleb толкает пожарную дверь и выводит Ребекку на лестницу.

Створка за спиной захлопывается, отрезав свет и гомон в коридоре. Они остаются одни, парень и девушка, тихо сидящие в темноте на холодной ступеньке.

Другие девчонки считают Калеба тощим, но в глазах Ребекки он высокий и поджарый. В резких чертах лица просматривается ум, некая практичность, как у хорошего дизайнера.

Ребекка ждет, когда он заговорит.

Кaleb вытаскивает из кармана пакетик «M&M's».

— Хочешь?

В звенящей тишине даже хруст упаковки кажется оглушительным.

Калевб высыпает драже ей в ладонь.

Какое-то время сидят молча. Пока Калевб громко грызет конфету, Ребекка гадает, с чего начать.

— Мне так стыдно, что я не поговорила с ее родителями, — произносит она чуть погодя. — Просто не знала, что им сказать.

Калевб бросает конфетку в лестничный пролет. Пролетев десять этажей, та приземляется с характерным «бамс».

— В таких случаях никто не знает, — замечает он.

До Ребекки дошел слух, будто у Калеба умер брат.

Опьяневшие, сонные, они продолжают болтать. «Калуа» окутывает сознание приятной дымкой. Все вокруг — тусклый свет, ржавые перила, приглушенный стук капель вдалеке — наполняется смыслом, точно события всего вечера уже стали воспоминанием.

Ребекке хочется столько ему рассказать! Рассказать о строгих порядках в ее семье, о запрете на кино, косметику и походы в школу, об уроках алгебры вместе с братьями за кухонным столом, пока мать штудировала пособия по домашнему обучению, а отец тщетно пытался устроить дома приют. Однако слова застревают в горле, и Ребекка тихонько кладет голову Калебу на грудь, словно надеется передать мысли по другим каналам — через тепло своей руки, прижатой к его плечу.

Калевб методично швыряет драже вниз, точно они сидят у края глубокого колодца и загадывают желания на камешках.

СПЯЩИЕ

— Люди не знают, что сказать, потому что на самом деле сказать нечего, — резюмирует он, и Ребекка словно заглядывает в его прошлое. — Ничего тут не скажешь.

И тут Ребекка явственно слышит, как много лет спустя сама рассказывает эту историю — кошмар своей юности — о девочке Каре в общежитии, о первом соприкосновении со смертью на втором месяце учебы.

Наблюдая, как последняя конфетка рассекает воздух, они сталкиваются лбами. Отпрянув, смотрят друг на друга — их лица так близко в полумраке — и начинают хохотать. Кaleb гладит ее по волосам. Следом происходит долгожданный поцелуй. Его губы отдают шоколадом. Их зубы соприкасаются — Ребекка не знает, правильно это или нет. Ладони Калеба ложатся ей на бедра. Палец скользит по обнаженной полоске кожи на талии. Юношу слегка трясет, однако его нервозность приятнее самоуверенности. Ребекка чувствует, что вступает в новую жизнь — прямо здесь и прямо сейчас. Ее согревает лихорадочная надежда, восторг, свойственный лишь молодости.

Девочки спят допоздна, головы гудят от ликера. Постепенно они просыпаются — сходить в туалет, попить водички, принять спрятанное в тумбочке болеутоляющее или задернуть шторы, морщась от яркого света очередного безоблачного дня.

Одна за другой они возвращаются в постель и вскоре проваливаются в яркие грезы поверхностного сна.

Ближе к полудню происходит нечто экстраординарное: все начинают видеть похожие сны, с одинаковым сюжетом и отчетливым одинаковым звуком. Девочкам снится, что где-то кто-то кричит.

Спустя пару секунд они просыпаются, и сон становится явью: кто-то действительно кричит.

В коридоре девочки натыкаются на Калеба, в боксерских трусах, без рубашки. От истошных воплей худая грудь ходит ходуном. Для многих вид на смерть перепуганного парня в новинку.

— Ребекка! — Калев тычет пальцем в сторону своей кровати, где по подушке разметались ярко-рыжие локоны. — Ребекка! — повторяет он. — С Ребеккой беда!

Уокер К. Т.

У 62 Спящие : роман / Карен Томпсон Уокер ; пер. с англ. А. Петрушиной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 320 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-16125-2

Тихий городок в горах Южной Калифорнии. Первокурсница возвращается в общежитие после бурной вечеринки, засыпает — и не просыпается. Пока растерянные врачи бьются над загадкой, болезнь стремительно распространяется, и вот уже весь город охвачен паникой. Число жертв растет, в магазинах заканчиваются продукты. Власти объявляют карантин, улицы наводнены солдатами Национальной гвардии. Психиатр из Лос-Анджелеса ломает голову над удивительными симптомами — у жертв вируса наблюдается повышенная мозговая активность. Значит, всем им снятся яркие, реалистичные сны. Но о чем?

Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

КАРЕН ТОМПСОН УОКЕР

СПЯЩИЕ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин

Редактор Алла Косокова

Художественный редактор Илья Кучма

Технический редактор Татьяна Тихомирова

Компьютерная верстка Михаила Львова

Корректоры Елена Терскова, Юлия Теплова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 24.12.2019. Формат издания 84 × 100 ¹/₃₂.

Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 15,6.

Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

H-ABA-24553-01-R